
18+
КАРМЕЛЛА ЛИВИЯ
ЗАЛОЖНИЦА ПЕРЕМИРИЯ

Кармелла Ливия

Заложница перемирия

«Издательские решения»

Ливия К.

Заложница перемирия / К. Ливия — «Издательские решения»,

Агнес Мьюир три года держала разорённый отчий дом на своих плечах — и узнала о своей свадьбе за две недели, от дяди, который уже получил за неё двенадцать всадников и зерно до весны. Английский муж её не бьёт, не кричит и не берёт силой: он отдал ей ключи, счётную книгу и право распоряжаться домом — но не собой. Он не спит в спальне, не пьёт вина и слишком хорошо умеет молчать, а в его доме кто-то по ночам передаёт записки тем, кто жжёт шотландские овчарни.

© Ливия К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Сделка в часовне 6
Глава 2. Дом, где мне не рады 12
Глава 3. Стена между нами 17
Глава 4. Письмо без подписи 22
Глава 5. Люди Блэклоу 27
Глава 6. Суд 30
Глава 7. Сосед 33
Глава 8. Ключ от кладовой 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Заложница перемирия

Кармелла Ливия

© Кармелла Ливия, 2026

ISBN 978-5-0071-5799-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Сделка в часовне

Дождь начался на рассвете и не кончился.

Агнес ехала под навесом из промасленной шерсти. Шерсть пахла овцой и дымом. Вода стучала по ней ровно, как по барабану, и этот стук заменял разговор.

Отец молчал всю дорогу. Он сидел в седле прямо, как человек, которому больно, но который решил не показывать этого. Трость торчала из-за луки, кожаная, с потёртой рукоятью. Он держался за неё левой рукой.

— Двенадцать всадников, — сказал он у поворота. — И зерно до весны.

— Я слышала.

— И мир.

— Я слышала, отец.

Он замолчал. Дождь шёл за ними, ровный, серый, без просвета.

Считай. Двенадцать. Одиннадцать. Десять.

Агнес считала по-английски. Так её учил писарь: цифры на чужом языке не имеют вкуса и не мешают думать. По-шотландски счёт звучал как приговор, по-английски — как работа.

Церковь стояла на нейтральной полосе, между двумя камнями с вырезанными крестами. Серая, низкая, с толстыми стенами и одной башней без колокола. Колокол сняли в семьдесят первом, когда соседи жгли друг друга и колокола шли на переплавку.

У двери стояли английские лошади. Их было восемь. Все гнедые, все с хорошей сбруей. Чужие лошади всегда выдают хозяина лучше, чем лицо.

Она спешилась сама, не дожидаясь руки. Юбка намокла и потяжелела. Внутри пахло воском, мокрым камнем и мокрой шерстью. Свечей горело много. Кто-то позаботился, чтобы здесь было светло.

Он стоял у алтаря, спиной к двери.

Первую секунду она видела только спину: серый камзол, тёмные волосы с проседью на висках, ровные плечи. Он не обернулся на шаги. Он поправлял перчатку — снимал, клал на каменную плиту, снова брал. Как будто перчатка лежала криво.

Потом обернулся.

Серые глаза. Шрам на левой брови, тонкий, старый. Чисто выбрит. Лицо человека, который спит мало, но не жалуется.

Она ждала грубияна. Ждала тяжёлого взгляда, который оценивает товар. Он посмотрел на неё и не стал оценивать. Он посмотрел так, как смотрят на человека, с которым предстоит дело.

Это было хуже.

Грубиян был бы проще.

Священник — отец Ансельм, старый, с руками в пятнах, — открыл книгу. Он служил здесь сорок лет и венчал всех: шотландцев с шотландцами, англичан с англичанками, а теперь вот так.

— Мы собрались, — начал он.

— Минуту.

Голос у Фернли был ровный. Негромкий. Такой голос не приходится повышать: его слушают.

Он повернулся к ней.

— Миледи. Прежде чем отец Ансельм начнёт.

Отец за её спиной сделал шаг. Она услышала, как трость стукнула о камень.

— Милорд, — сказал он, — обряд есть обряд.

— Обряд есть обряд, — согласился Фернли, — и он спросит её согласия. Я хочу услышать ответ раньше, чем его услышит церковь.

Он спросил.

Это было первое, чего она не ждала.

Молчание в церкви стало плотным. Дождь стучал по крыше. Свеча у алтаря потрескивала. Агнес слышала, как Маргарет — она приехала, стояла в стороне со сложенными руками, — переступила с ноги на ногу.

— Милорд, — сказала Агнес.

— Сэр Томас Фернли, — сказал он. — Хранитель западной марки.

— Я знаю, кто вы.

— Хорошо.

— Вы знаете, кто я?

— Агнес Мьюир, — сказал он. — Старшая дочь Уильяма Мьюира из Блэклоу. Ведёте хозяйство три года. У вас двенадцать человек в доме, восемь на земле, тридцать овец, из них шесть яловых. Ваш отец болен. Ваш брат горяч.

Она не двинулась.

Он знает про овец.

— Вы считали наше хозяйство, милорд.

— Я считал, за что платит королева, — сказал он. — Это одно и то же.

— Не одно.

— Хорошо, — сказал он снова, и в этом слове не было ни уступки, ни насмешки. — Не одно.

Отец Ансельм кашлял в стороне. Трость отца снова стукнула.

— Дочь.

— Да, отец.

— Ответ.

Агнес посмотрела на свечу. Воск тек по ней ровно, как дождь по шерсти. В голове было тихо и ясно, как бывает только в самые плохие минуты.

Ей было двадцать четыре. Три года она держала дом: считала зерно, разбирала ссоры пастухов, гнала воров от овчарни, писала письма в Эдинбург, где её имя ничего не стоило. Она знала цену муке, соли, железу и человеку. Она знала, что этот брак куплен.

Она не знала только, что её спросят.

Считай.

— Согласна, — сказала она.

Священник выдохнул. Отец опустил руку. Маргарет шевельнулась, как человек, у которого отпустило плечо.

— Но.

Слово упало в тишину и осталось лежать.

Фернли не изменился в лице.

— Слушаю.

— Ключи от Блэклоу остаются у меня, — сказала Агнес. — Не у вас, не у вашего управляющего, не у вашего клерка. У меня.

Отец за её спиной произнёс её имя так, как произносят в церкви ругательство.

— Дочь.

— Ключи, — повторила она.

Фернли смотрел на неё, и она видела, как он думает. Не о том, оскорблён ли он. О том, где здесь изъян.

— Блэклоу — ваш дом, — сказал он наконец.

— Мой.

— В бумагах он теперь мой.

— В бумагах, — согласилась она. — Ключи не бумага.

Тишина стала ещё плотнее. Один из английских людей у стены переступил; сапог скрипнул по камню. Маргарет поджала губы так, что побелели уголки.

— Я согласен, — сказал Фернли.

— Милорд, — сказала Маргарет.

— Я согласен, — повторил он, не поворачивая головы. — Ключи остаются у леди. Клерк внесёт это в бумаги. Мэтью, вы слышали.

— Слышал, милорд, — сказал человек у стены, худой, с чернильным пятном на пальце.

— Тогда начинайте, отец Ансельм, — сказал Фернли и снова взял перчатку с плиты. — Мы и так задержались.

Обряд был коротким.

Отец Ансельм спрашивал, она отвечала. Слова были старые и стёртые, как монета, которая прошла через тысячу рук. «Повинуешься ли» — «Да». Свеча горела. Дождь шёл.

Она смотрела на его руки. Он не взял её руку крепко, не сжал, не потянул. Он держал её так, как держат птицу: ровно, без давления, чтобы не пришлось удерживать силой.

Так держат то, что боятся сломать.

Или так держат то, что не хотят трогать.

За его спиной стояли англичане. Их было пятеро в церкви и ещё трое снаружи, у лошадей. Ни один не улыбался. Ни один не смотрел на неё как на добычу. Они смотрели на него — коротко, проверяя, всё ли идёт как надо. Так смотрят люди, которые видели своего господина в худшие дни и остались.

Это было третье, чего она не ждала.

— Лошади у вас добрые, — сказала она, чтобы не молчать.

— Добрые, — согласился он. — И одна злая. Та, гнедая, у двери. Кусается.

— Зачем держите?

— Она хорошо идёт по грязи, — сказал Фернли. — И не любит чужих. Иногда это полезно.

Он сказал это без нажима, но она услышала второе дно и не стала его трогать.

Маргарет приблизилась на шаг. Ей было около шестидесяти, она держала спину так, будто в неё вставили железный прут.

— Позвольте, милорд, — сказала она. — Леди поедет в дом в этом?

Фернли обернулся.

— В чём именно?

— В шерсти, — сказала Маргарет. — Люди увидят.

В церкви стало очень тихо.

Агнес почувствовала, как кровь приливает к лицу — не от стыда, а от злости. Она знала эту женщину полчаса и уже знала её наизусть.

— Люди увидят женщину, которая ехала под дождём двенадцать миль, — сказала она. — Если это смущает ваш дом, я переночую в Блэклоу и приеду утром.

— Вы поедете в дом, — сказал Фернли, глядя не на неё, а на тётку. — И поедете сейчас. Маргарет, распорядитесь, чтобы к её приезду была готова комната и горячая вода.

— Слушаюсь, милорд.

Она сказала это ровно, но что-то в её осанке сломалось — на волос, не больше.

— Миледи, — сказал Фернли, поворачиваясь к Агнес.

— Милорд.

— У вас есть ещё условия?

Она посмотрела ему в лицо: серые глаза, шрам на брови, ровное дыхание.

— Пока нет, — сказала она.

— Хорошо, — сказал он. — Успеем удивиться.

Это была шутка. Она не засмеялась. Она даже не улыбнулась. Но почему-то от этого в горле стало легче.

Когда всё кончилось, он отпустил её руку первым.

— Миледи.

— Милорд.

— Лошади ждут, — сказал он. — До Фернхерста полдня. Если поедем сейчас, успеем засветло.

— Я поеду в Блэклоу.

Он посмотрел на неё.

— Зачем.

— Собрать вещи, — сказала Агнес. — И сказать людям, что их не продали.

Отец шагнул вперёд, но Фернли опередил его.

— Два дня, — сказал он. — Потом я жду вас в Фернхерсте. С людьми. Я пришлю охрану.

— Мне не нужна охрана.

— Я пришлю охрану, — сказал он без нажима. — Не потому, что вы слабы. Потому что теперь за вас будут платить выкуп.

Она не нашла, что ответить.

Это было второе, чего она не ждала: что он окажется прав.

Снаружи дождь стал реже. Английские лошади стояли под деревьями, опустив головы. Её лошадь — старая, серая, с обвисшей губой — смотрела на неё с укором, как смотрят животные, которых не предупредили.

Отец подошёл, опираясь на трость.

— Ты поставила условие.

— Да.

— В церкви. При его людях.

— Да.

Он долго молчал, глядя на дорогу.

— Умно, — сказал он наконец. — Глупо, но умно.

— Отец.

— Он тебе не враг, Агнес.

Она подтянула подпругу.

— Все враги, отец. Просто некоторые вежливы.

Она села в седло. Юбка прилипла к ногам, шерсть на плечах отяжелела от воды. Двенадцать миль до Блэклоу, двенадцать миль обратно, и потом полдня до чужого дома, где её уже ждут с бумагами.

Она тронула повод.

Двенадцать. Одиннадцать. Десять.

Дождь кончился у поворота. На западе, над вереском, небо начало светлеть — тонко, неохотно, как обещание, которое дают, чтобы выиграть время.

* * *

В Блэклоу пахло мокрой собакой и хлебом.

Джанет встретила её во дворе, с фартуком, перепачканным мукой, и лицом человека, который уже всё знает и ждёт, когда ему разрешат сказать.

— Свершилось, — сказала она.

— Свершилось.

— И как он?

Агнес спешилась. Колени держали плохо — от дороги, не от страха.

— Вежливый.

— Ох, — сказала Джанет. — Плохо.

— Почему плохо?

— Грубый человек бьёт сразу, — сказала Джанет, забирая у неё мокрую накидку. — Вежливый сначала всё записывает.

Во дворе было тихо. Слишком тихо. Обычно в это время кузнец стучал, пастухи ругались из-за соли, собаки дрались за кость. Сегодня все стояли и смотрели.

Их было двенадцать в доме. Восемь на земле. Тридцать овец, шесть яловых. Она помнила это по счёту, а не по любви, и знала, что это одно и то же.

— Все здесь? — спросила она.

— Все, — сказала Джанет. — Ждут.

Агнес поднялась на крыльцо. Ступенька скрипнула, как всегда, в одном и том же месте. Она собиралась починить её с весны.

— Слушайте.

Голос вышел ровным. Хорошо.

— Через два дня я уезжаю в Фернхерст. Дом остаётся на Джанет. Ключи у меня. Земля — наша, люди — наши, овцы — наши. Кто скажет иначе, будет говорить с моим мужем.

— С англичанином, — сказал кто-то из задних рядов.

— С хранителем марки, — сказала Агнес. — Это хуже.

Кто-то хмыкнул. Напряжение отпустило на волос.

— А отец? — спросил кузнец.

— Отец остаётся здесь.

— Он болен, миледи.

— Он болен, — согласилась она. — И он остаётся здесь. Я не повезу его к чужим людям.

Она сошла с крыльца. Люди расступились, и это было неприятнее, чем если бы не расступились.

* * *

Эндрю ждал её в кузнице.

Ему было двадцать. Он был высокий, светловолосый, с руками, которые ещё не научились терпению. Молот лежал на наковальне, брошенный.

— Ты продалась, — сказал он.

Агнес села на колоду.

— Да.

Он не ждал такого ответа. Он ждал спора.

— Ты даже не…

— Да, — повторила она. — Я продалась. За двенадцать всадников и зерно до весны. Если бы я отказалась, к Ламмасу здесь не осталось бы ни дома, ни овец, ни тебя.

— Я бы воевал.

— Ты бы умер.

— Тогда бы умер как мужчина.

Она посмотрела на него долго.

— Эндрю.

— Что.

— Мужчины на этой границе умирают легко, — сказала она. — Это единственное, что у них получается без усилий. А дом держится на тех, кто остаётся.

Он отвернулся к горну. Огонь там был притушен, угли дышали красным.

— Я поеду с тобой, — сказал он в огонь.

— Нет.

— Ты не можешь меня…

— Могу, — сказала Агнес. — Ты остаёшься. Отец болен. Если я увезу тебя, через месяц здесь будут чужие люди.

— Ты мне не отец.

— Нет, — сказала она. — Хуже. Я теперь леди Фернли.

Он обернулся. В его лице было столько обиды, что она почувствовала себя старой.

— Ты вернёшься? — спросил он.

— Вернусь.

— Обещаешь?

Она не стала обещать. Она уже поняла, что в этом доме обещания стоят дешевле соли.

* * *

Ночью она сидела в светёлке с счётной книгой отца.

Свеча горела неровно. Дождь стучал по ставне, ровный, тяжёлый, и в этом стуке было что-то успокаивающее: пока он идёт, никто не приедет.

Она переписала всё: зерно, соль, железо, шерсть. Против каждой строки стояла цифра, и каждая цифра была обещанием, которое она давала людям, не спрашивая их согласия.

На последней странице отец держал свой счёт. Не хозяйственный: долги. Три имени, две суммы, одна дата.

Агнес знала эти имена. Одно из них было английским.

Вот почему он не спорил так сильно, как мог бы.

Она закрыла книгу и заперла её в сундук. Ключ положила в карман, к остальным.

Их было семь. Семь ключей от дома, который теперь принадлежал другому человеку по бумагам, и ей — по праву, которое она собиралась отстаивать.

Она достала дневник отца из-под подушки — тонкую книжку в кожаной обложке, с двумя чистыми страницами в конце — и взяла перо.

Я иду в Фернхерст как Мьюир. Не как товар. Пусть он называет это миром; я назову это сделкой.

Она посмотрела на написанное. Потом зачеркнула последнее слово и написала другое.

Пусть он называет это миром; я назову это счётом.

Свеча догорела до половины. За ставней шёл дождь, и до утра никто не приехал.

Семь. Шесть. Пять.

Глава 2. Дом, где мне не рады

Фернхерст она увидела издалека.

Дом стоял на холме, и это было единственное, что о нём говорило сразу: его строили, чтобы видеть дорогу. Два этажа, камень, тяжёлая дверь с железными полосами. Пристройка, конюшня, амбар. Сад за низкой стеной — обрезанные розы, ровные, как солдаты.

Она ехала по двору и считала окна.

Восемь. В Блэклоу пять.

Кровля была новая. В Блэклоу кровля текла над южной комнатой с весны.

У двери их ждали. Не она — их. Слуги стояли в две линии, и во главе стояла Маргарет с руками, сложенными на фартуке.

— Миледи.

— Мэстресс Фернли, — сказала Агнес.

Пауза длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы все это услышали.

— Разумеется, — сказала Маргарет. — Мэстресс Фернли.

Она произнесла это так, будто пробовала испорченное мясо на язык и ставила его обратно на блюдо.

Один.

Агнес сошла с лошади. Ноги держали. Хорошо. Она отдала повод конюшему — молодому, веснушчатому, который взял его обеими руками, как берут чужое.

— Как тебя зовут?

— Уилл, мэстресс.

— Уилл. Лошадь старая. Дать ей овса, не сена. И не привязывай близко к гнедой, которую кусается.

— Слушаюсь.

Маргарет шла впереди. В доме пахло воском и чистотой. Каменный пол был вымыт до блеска. На стенах — два гобелена, оба целые. В Блэклоу гобелен висел один, и он был прожжён у камина.

— Ваша комната наверху, — сказала Маргарет. — Вторая дверь от лестницы. Прислуга — Бет, девочка четырнадцати лет. Если вам нужна другая, скажите, я найду.

— Бет подойдёт.

— Как угодно.

— Маргарет.

Та обернулась. Держала спину ровно, как человек, который ждёт удара и не собирается уклоняться.

— Я понимаю, что вам не нравится эта сделка, — сказала Агнес. — Мне она тоже не нравится. Но дом теперь общий, и я не собираюсь его разорять. Давайте без войны на кухне.

Тишина.

— Войны не будет, мэстресс, — сказала Маргарет. — Есть порядок. Я вела этот дом двадцать два года.

— Ведите дальше. Я не отбираю у вас кухню.

— А что отбираете?

— Счёт.

Маргарет чуть склонила голову. В этом движении было больше уважения, чем во всей её речи у двери.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда начните с этого.

* * *

Комната была лучше, чем она ждала.

Кровать с пологом, сундук, стол у окна. Окно выходило на двор, и это было правильно: она хотела видеть, кто приезжает.

Бет принесла воду. Девочка была тонкая, с красными руками и глазами, которые всё запоминали.

— Ставь здесь, — сказала Агнес. — Как тебя приняли в дом?

— Я из деревни, мэстресс. Меня взяли в прошлом году.

— Родня есть?

— Мать. Она стирает на дом.

— Понятно.

Агнес сняла мокрую шерсть. Бет стояла, не зная, уходить или ждать.

— Скажи мне одно, — сказала Агнес. — Здесь кто решает, что подают на ужин?

— Мэстресс Маргарет.

— А кто решает, кого берут в дом?

— Тоже она.

— А лэрд?

Бет замялась.

— Лэрд… он смотрит бумаги. И лошадей.

— Значит, хозяйство на ней.

— Да, мэстресс.

Агнес посмотрела в окно. Во дворе Уилл вёл её лошадь в конюшню. Старая серая шла спокойно, привычно. Здесь всё было привычно не ей.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо, Бет. Иди.

* * *

К ужину её позвали в зал.

Стол был длинный, дубовый, начищенный. Свечей горело шесть. На стенах — оружие: два меча, щит, старый шлем с вмятиной. Всё чистое, всё на местах.

За столом сидели четверо: Маргарет, клерк с чернильным пятном, человек в кожаном камзоле с суровым лицом и Томас во главе.

Он поднялся, когда она вошла. Остальные поднялись после — все, кроме Маргарет, которая встала одновременно с ним, будто опережала.

— Мэстресс Фернли, — сказал он. — Мэтью Роу, мой клерк. Вы его видели в церкви.

Роу поклонился коротко, ровно настолько, насколько требовалось.

— Миледи.

— Мистер Роу.

— Джон Хейл, — сказал человек в камзоле. — Смотрю за лошадьми и людьми.

— Мэстресс.

— Миледи.

Сели. Служанка поставила перед ней блюдо: тушёная баранина, хлеб, репа. Еда была простая и хорошо приготовленная.

— В Блэклоу так же? — спросила Маргарет.

— В Блэклоу едят то, что выросло, — сказала Агнес. — Сегодня у нас репа.

— У нас репа по вторникам.

— Значит, по вторникам я буду знать, какой день.

Хейл хмыкнул в чашу. Маргарет посмотрела на него, и он перестал.

Томас молчал, но не так, как молчат люди, которым нечего сказать. Он слушал — и она видела, как он слушает: чуть склонив голову, не глядя в лицо, а глядя в стол, как будто раскладывал услышанное по клеткам.

— Сколько людей в доме? — спросила Агнес.

— Четырнадцать, — сказала Маргарет.

— Включая тебя?

— Да.

— В Блэклоу двенадцать. — Она отломила хлеб. — И тридцать овец, шесть яловых.

— У нас сорок восемь, — сказала Маргарет.

— И шесть коров.

— Пять.

— Тогда пять, — сказала Агнес. — Я завтра обойду двор.

— Это лишнее, — сказала Маргарет. — Я дам вам счёт.

— Я посмотрю сама.

Пауза. Ложка Роу звякнула о блюдо и замерла.

— Миледи, — сказал он осторожно. — В доме есть порядок. Мэстресс Маргарет ведёт его двадцать два года. Люди привыкли.

— Привыкнут заново.

— Это может вызвать… беспокойство.

— Мистер Роу, — сказала Агнес, — беспокойство вызывает не смена порядка. Его вызывает неясность, кто им распоряжается. Я не собираюсь менять всё. Я собираюсь знать, что у меня под рукой.

Роу посмотрел на Томаса. Томас поднял глаза.

— Мэтью, — сказал он. — Она права. Неясность хуже.

— Как скажете, милорд.

— И ещё, — сказал Томас. — Мэстресс Фернли будет получать счётную книгу каждую субботу. Приносить будете вы, лично.

Роу открыл рот, потом закрыл.

— В субботу, — повторил Томас. — Не в пятницу, не в воскресенье.

— Слушаюсь.

— Хорошо, — сказала Маргарет, и в её голосе было нечто такое, от чего Агнес впервые за вечер стало нехорошо. — Тогда, может быть, мэстресс объяснит нам, как она собирается вести дом, не зная грамоты?

Тишина.

Агнес положила хлеб.

— Я читаю и пишу, — сказала она. — По-английски и по-шотландски. Писарь отца учил меня с восьми лет. Я веду счёт с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, а вам, боюсь, этого никто не сообщил.

Маргарет не отступила. Она только чуть побледнела.

— Я не знала, — сказала она ровно.

— Теперь знаете.

Один. Два. Три.

Она считала. Считала, чтобы не сказать лишнего. Свеча у её локтя оплывала.

Томас взял со стола нож и положил его ровно, параллельно краю. Потом посмотрел на неё.

— Мы завтра посмотрим двор вместе, — сказал он. — В восемь.

— В семь.

Он чуть наклонил голову.

— В семь.

* * *

После ужина он позвал её в кабинет.

Кабинет был маленький и очень аккуратный. Стол, два стула, полка с бумагами в переплётах, шкатулка. На стене — карта границы, вся в булавках. У камина — кресло, в котором никто не сидел: подушка была слишком ровная.

Он закрыл дверь и указал ей на стул.

— Садитесь.

Она села. Он остался стоять.

— Я не люблю говорить лишнего, — сказал он. — Поэтому скажу прямо. Этот брак — не мой выбор и не ваш. Но дом теперь один, и я не хочу, чтобы он развалился из-за того, что у нас разные счёты.

— У нас разные счёты, — согласилась она.

— Тогда давайте сделаем один.

Он открыл ящик и вынул книгу. Толстую, в кожаном переплёте, с закладками по краям. Положил перед ней.

— Это книга дома. Приход, расход, люди, зерно, скот. Всё, что было с тех пор, как я сюда приехал.

Агнес не взяла её сразу.

— Вы отдаёте её мне?

— Я отдаю её вам в руки, — сказал он. — Не в собственность. Собственность — бумаги. Это работа.

— Почему?

Он посмотрел на неё. В камине щёлкнуло полено.

— Потому что я в ней не разбираюсь так, как нужно, — сказал он. — Я умею считать людей и границы. Мэтью умеет считать бумагу. Никто из нас не умеет считать дом.

— А Маргарет?

— Маргарет умеет, — сказал он. — И она вела его двадцать два года. И в книге не всё сходится.

Агнес открыла книгу.

Страницы были разлинованы аккуратно, рукой Роу. Цифры ровные. Приход — расход, остаток. Она вела пальцем по строкам, и в голове само считалось, складывалось, вычиталось.

На третьей странице она остановилась.

— Здесь, — сказала она.

— Где?

— Пшеница. В марте куплено двадцать мер. В апреле — ещё двенадцать. А расход за март — шесть. За апрель — четыре.

Он подошёл и посмотрел через её плечо.

— И?

— И ещё двадцать две меры никуда не делись, — сказала Агнес. — Если они на складе, то склад должен ломиться. Если их продали, то выручка должна быть в приходе. Её нет.

Томас молчал.

— Сколько лет вы ведёте эту книгу? — спросила она.

— Три.

— Здесь расхождение за два года. Не огромное. Но ровное, как по мерке.

Он выпрямился. Взял со стола перо, поправил его в подставке, поставил обратно.

— Сколько, по-вашему?

— Если по всем строкам, — сказала Агнес, — около сорока фунтов. Может, больше.

Тишина в кабинете стала плотной.

— Сорок фунтов, — повторил он. — Это жалованье Хейла за год.

— Я знаю.

Он отошёл к камину. Стоял спиной, и она видела, как у него напряглись плечи.

— Вы понимаете, что это значит.

— Что кто-то в этом доме берёт, — сказала Агнес. — И берёт давно. И, скорее всего, не один.

Он обернулся.

— Я найду виновного, — сказал он.

— Вы найдёте виновного и потеряете дом, — сказала она. — Если начнёте искать сейчас, все будут знать, что вы ищете. И тот, кто берёт, будет знать первым.

— И что вы предлагаете?

Агнес закрыла книгу.

— Ничего не говорить. Дать мне три недели. Я обойду двор, пересчитаю скот, проверю склад. Если это делают люди Маргарет, я увижу по тому, кто мне мешает.

— А если это делает Маргарет?

— Тогда я увижу по тому, кто мне не мешает.

Он смотрел на неё долго. Свеча горела между ними, и в её свете лицо у него было усталым и моложе, чем днём.

— Хорошо, — сказал он. — Три недели.

— И ещё одно.

— Слушаю.

— Не говорите об этом Роу.

— Почему?

— Потому что он ведёт книгу, — сказала Агнес. — И он единственный, кто мог бы это заметить раньше меня.

* * *

Ночью она сидела на кровати с книгой на коленях.

Полог был задёрнут, свеча стояла на стуле. За окном шёл дождь — тише, чем в Блэклоу, ровнее, без ветра. Здесь всё было тише.

Сорок фунтов. Двадцать две меры пшеницы. Два года.

Она пересчитала ещё раз, по памяти. Всё сходилось.

За стеной, в коридоре, послышались шаги. Ровные, спокойные. Один проход мимо её двери, второй. Остановились.

Она замерла.

Шаги пошли обратно, к лестнице. Скрипнула третья ступенька.

Агнес погасила свечу и легла. Дождь шёл по ставне. В доме, где её не ждали, кто-то ходил до рассвета, и она не знала его имени.

Глава 3. Стена между нами

В семь утра двор был мокрый и пустой.

Туман лежал низко, над самой землёй, и в нём расплывались углы: амбар, конюшня, поленница. Пахло навозом и мокрой соломой. Где-то за стеной блеяла овца — коротко, требовательно.

Томас уже стоял у конюшни. В сапогах, без камзола, в одной рубахе, и она впервые увидела, что он не такой широкий, как казался в церкви. Просто держится прямо.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

— Хейл идёт. Он покажет скот.

— Я посмотрю сама.

— Посмотрите, — согласился он. — Он покажет.

Хейл вышел из конюшни с фонарём, хотя рассвело. Увидев её, он не удивился. Только чуть сдвинул фонарь в сторону, чтобы свет не бил ей в лицо.

— Мэстресс.

— Мистер Хейл. Сколько голов в стаде?

— Сорок восемь овец, мэстресс. Шесть коров, — он помолчал, — пять.

— Пять, — сказала она. — Маргарет говорит пять.

— Пять.

— Тогда почему вы сказали шесть и поправились?

Хейл посмотрел на Томаса. Томас смотрел на овец.

— Была шестая, — сказал Хейл. — Падала в прошлом месяце. Продали кожу.

— За сколько?

— Три шиллинга.

— В книгу внесли?

Пауза.

— Не знаю, мэстресс.

Вот и первая нитка.

— Покажите склад, — сказала она.

Склад был за амбаром: пристройка без окон, дверь на замке. Хейл отпер. Внутри стоял холодный запах зерна и мышей.

Мешки лежали в три ряда. Агнес прошла вдоль них, считая вслух — тихо, по-английски, чтобы не сбиться.

— Двадцать два мешка пшеницы, — сказала она. — В книге двадцать два.

— Так и есть.

— А овса?

— Овёс в другом отделении.

Овса было меньше, чем она ждала. Она не сказала этого вслух.

— Открывайте вторую дверь, — сказала она.

— Там пусто, мэстресс.

— Открывайте.

Дверь открылась. Там действительно было пусто: пол, покрытый соломой, и на соломе — вмятина, будто мешки стояли тут недавно и стояли долго.

Агнес присела. Провела рукой по полу: пыль лежала ровно, но там, где стояли мешки, она была смазана.

— Когда отсюда вывезли?

— Не знаю, мэстресс.

— Мистер Хейл.

Он смотрел в сторону.

— Я смотрю за лошадьми, — сказал он. — Зерно не моё дело.

— Чьё?

— Раньше было её.

Он не сказал имени. Ей и не нужно было.

Томас подошёл к двери. Посмотрел внутрь, на пустой пол, на вмятину.

— Хейл, — сказал он ровно.

— Милорд.

— С этого дня склад — её дело. Замок отдайте ей. И второй ключ тоже.

— Слушаюсь.

— И если кто-то спросит, почему, — сказал Томас, — скажите, что так решил я.

* * *

В кухне было жарко и пахло хлебом.

Маргарет стояла у стола и резала хлеб ровными ломтями. Две служанки месили тесто. Мальчишка таскал воду. Всё шло так, как шло двадцать два года.

— Мэстресс, — сказала Маргарет, не оборачиваясь. — Завтрак в зале.

— Я знаю.

— Если вы хотите что-то изменить, скажите сейчас. Потом будет поздно.

Агнес взяла ломоть со стола. Хлеб был хороший, плотный.

— Кто носит воду?

— Том.

— Сколько раз в день?

— Сколько нужно.

— Это не ответ.

Маргарет положила нож.

— Четыре раза, — сказала она. — Утром, к обеду, к ужину и перед сном.

— А если нужно больше?

— Тогда он носит больше.

— А если его нет?

— Тогда носит кто-то другой.

Агнес кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, порядок есть. Я не буду его ломать.

Маргарет смотрела на неё, и в её лице что-то менялось — медленно, как оттаивает земля.

— Вы не будете?

— Я буду знать, что он есть, — сказала Агнес. — Это разное.

Она вышла во двор. За спиной было тихо, потом снова застучал нож.

* * *

Роу пришёл к полудню с папкой бумаг.

Он вошёл в зал, где она сидела над книгой, и остановился в дверях, будто проверяя, можно ли войти.

— Мэстресс.

— Мистер Роу.

— Бумаги на подпись. Милорд сказал, вы посмотрите.

Она взяла папку. Бумаги были обычные: счёт за соль, счёт за железо, расписка пастуха, прошение о паре сапог.

— Кто просит сапоги?

— Том, мальчик с водой.

— Ему сколько?

— Четырнадцать.

Она перевернула лист. Посмотрела на цену.

— Дорого.

— Кожа подорожала, мэстресс.

— Кто поставщик?

— Тот же, что и раньше.

— Кто именно?

Роу назвал имя. Она запомнила. Потом отложила лист и посмотрела на него.

— Мистер Роу.

— Да?

— Книга, которую вы ведёте. Вы сверяли её с накладными?

Он не изменился в лице. Но пальцы у него на папке побелели.

— Разумеется, мэстресс.

— Каждую строку?

— Каждую.

— Тогда почему в марте пшеница куплена дважды, а расход показан один?

Тишина. В камине стрельнуло полено.

— Я… — он сглотнул. — Я мог ошибиться.

— Могли.

— Я перепроверю.

— Перепроверьте, — сказала она. — И принесите мне накладные за два года. Все.

— Это много бумаг.

— Я никуда не спешу.

Он поклонился и вышел. У двери обернулся — коротко, будто хотел что-то сказать, — и не сказал.

Он знает. Или боится.

* * *

За ужином она спросила про комнаты.

Спросила легко, между делом, разливая эль.

— В доме восемь окон, — сказала она. — Сколько из них жилых?

Маргарет ответила сразу:

— Ваша комната. Моя. Комната Бет. Комната Роу над конюшней. Хейл спит в пристройке, у лошадей.

— И кабинет.

Пауза.

— И кабинет, — сказала Маргарет.

Агнес поставила кружку.

— Кто спит в кабинете?

Маргарет посмотрела на Томаса. Томас не поднял глаз от тарелки.

— Милорд, — сказала Маргарет. — Иногда.

— Иногда — это сколько ночей в неделю?

— Мэстресс, — сказал Томас.

Она повернулась к нему.

— Я спрашиваю не для того, чтобы вас пристыдить. Я спрашиваю, чтобы знать, где вы бываете ночью. В доме, где кто-то берёт деньги, это полезно знать.

Он поднял глаза. В них не было ни злости, ни смущения. Только усталость.

— Каждую ночь, — сказал он. — С тех пор, как приехал.

— Почему?

— Потому что там бумаги.

— И всё?

— И всё.

Она могла спросить второе «почему». Она видела, что он ждёт его. Видела, как он положил нож ровно, параллельно краю стола, и как замерла его рука.

Она не спросила.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я не буду занимать вашу комнату. Я останусь в своей.

Он ничего не ответил. Но нож он поправил ещё раз — и это было хуже любого ответа.

* * *

Ночью она не спала.

Дождь кончился, и в доме стало слышно всё: как оседает камень, как скрипит третья ступенька, как мышь ходит в стене.

Она лежала в темноте и считала.

Сорок восемь овец. Пять коров. Двадцать два мешка пшеницы. Пустой склад. Три шиллинга за кожу. Сорок фунтов.

Сон не шёл. Она встала, накинула шерсть поверх рубахи и вышла в коридор.

В доме было холодно. Свеча у лестницы догорела. Она взяла её и пошла вниз, держась за стену.

У поворота она остановилась.

Кабинет был не заперт. Из-под двери шла полоса света.

Она сделала два шага — и дверь открылась.

Томас стоял на пороге. В рубахе, босиком, с пером в руке. Он не удивился.

— Не спится, — сказал он.

— Не спится.

Они стояли в коридоре, в двух шагах друг от друга, и молчали.

— Я услышала шаги, — сказала она.

— Это я.

— Я поняла.

Он посмотрел на её ноги, босые на холодном камне.

— Вам холодно.

— Мне не холодно.

— Вам холодно, — сказал он. — Идите в комнату. Я прикажу, чтобы вам принесли вторую грелку.

— Я не просила грелку.

— Я знаю, — сказал он. — Я прикажу.

Она не двинулась.

— Милорд.

— Да.

— Если вы не спите в спальне, потому что там чужое, — сказала она, — то это пройдёт. Это не моя комната, я её не выбирала.

Он долго молчал.

— Нет, — сказал он наконец. — Не поэтому.

— Тогда почему?

— Спокойной ночи, мэстресс.

Он закрыл дверь.

Она постояла ещё немного. Потом пошла наверх, и её шаги были слышны в пустом доме, и она знала, что он их тоже слышит.

* * *

Под утро она так и не уснула.

За стеной, в кабинете, всё было тихо — но она знала, что он там. Она слышала, как он отодвинул стул, как прошёл к полке, как остановился.

Потом снова отодвинул стул.

И так до самого рассвета.

Когда серое небо поднялось над двором, она встала, умылась холодной водой и заплела косу.

Внизу её ждали: книга, склад, люди, которые ещё не решили, чьими они будут.

Сорок восемь. Пять. Двадцать два.

Она вышла в коридор. Дверь кабинета была открыта. Внутри на столе лежали бумаги, ровно, как солдаты, и на верхней — свежие чернила, ещё блестящие.

Томас спал в кресле у камина, откинув голову. На цепочке у него на шее что-то блеснуло и спряталось под рубаху.

Она посмотрела секунду. Две. Потом закрыла дверь и пошла вниз.

Глава 4. Письмо без подписи

Утром он уже не спал в кресле.

Кабинет был открыт, бумаги разложены, камин погашен. Томас стоял у окна с чашкой в руке и смотрел во двор, где Хейл выводил лошадей.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе.

— Вы не спали.

— Спал.

— Час.

Он обернулся.

— Вы считали?

— Я слышала.

Он ничего не ответил. Поставил чашку на стол — не туда, где стояла, а ровно на подставку, — и взял перчатку.

— Сегодня я в Карлайл, — сказал он. — Вернусь к вечеру.

— Зачем?

— Бумаги. Хранитель марки обязан отмечаться.

— А если не отметитесь?

— Тогда решат, что я не справляюсь, — сказал он. — И пришлют того, кто справится иначе.

Он вышел. Через двор проехали четыре лошади, и ворота закрылись.

* * *

До обеда она разбирала сундук.

Сундук привезли из Блэклоу вместе с ней: две рубахи, платье, дневник отца, счётная книга Блэклоу, шкатулка с ключами. И пачка бумаг, которую она забрала из отцовского стола, не глядя.

Теперь она смотрела.

Счета за соль. Письмо от кузена из Эдинбурга, трёхлетней давности. Расписка пастуха. Долговая запись на десять фунтов, подпись отца, имя неразборчиво. Ещё расписка. Ещё счёт.

На дне, под сложенным вдвое листом, лежало письмо.

Бумага была другая — плотнее, светлее, с водяным знаком. Такую в Блэклоу не держали. Чернила ровные, рука твёрдая, не отцовская.

Она развернула.

«…в ночь на восемнадцатое у шотландцев будет сорок человек и лошади на переправе у Лидделла. Англичане узнают о том не раньше девятнадцатого, если узнают вообще. Дело надёжное, плата прежняя. Дом Мьюира в стороне — его люди в этом не участвуют, и он сам об этом не знает.»

Она прочла дважды.

Ни имени, ни подписи. Только дата, переправа и слова о плате.

Прежняя плата.

Она опустила лист на колени.

Сорок фунтов. Двадцать две меры пшеницы. Пустой склад, вмятина на соломе. И письмо, в котором кому-то платят «прежнюю плату» за то, что он знает заранее, где будут англичане.

Она не знала, кто писал. Она не знала, кому. Она знала только, что письмо лежало в столе её отца и что отец его не писал.

* * *

Бет пришла с водой и застала её сидящей на полу.

— Мэстресс?

— Ставь воду.

— Вам помочь?

— Нет.

Бет поставила кувшин и не ушла. Мялась у двери.

— Говори, — сказала Агнес.

— Прошлой ночью… — Бет понизила голос. — К воротам приезжал человек.

Агнес подняла голову.

— Кто?

— Не знаю. Я не видела лица. Он стучал тихо, и мистер Роу вышел к нему сам. Они говорили у стены.

— Долго?

— Пока не рассвело.

— А милорд?

— Милорд был в кабинете. Он не выходил.

Агнес сложила письмо и убрала его в шкатулку.

— Бет.

— Да, мэстресс?

— Ты никому об этом не говорила?

— Нет.

— И не говори. Даже если спросит миссис Маргарет.

Девочка кивнула быстро, как кивают, когда рады, что их не ругают.

— И ещё, — сказала Агнес. — Ты видела когда-нибудь, чтобы мистер Роу выходил ночью к воротам раньше?

— Видела, — сказала Бет. — Два раза. Зимой.

* * *

К обеду пришёл Хейл.

— Мэстресс. Люди спрашивают.

— Что спрашивают?

— Кто теперь ими распоряжается.

Она вытерла руки о передник — привычка из Блэклоу, здесь она её ещё не завела.

— А кто распоряжался?

— Мэстресс Маргарет. По дому. Милорд — по границе.

— А сейчас?

— Сейчас не понять, — сказал Хейл. — Вы ходите по двору, смотрите склад. Она ходит по кухне. Люди не знают, к кому идти.

— А к кому они ходили раньше, когда что-то ломалось?

— К ней.

— Значит, к ней и ходят, — сказала Агнес. — Пока я не скажу иначе.

— Так и передать?

— Передай так: кто сломает — идёт к миссис Маргарет. Кто захочет новое — идёт ко мне.

Хейл подумал.

— Это понятно, — сказал он. — Так и передам.

* * *

Роу принёс накладные к вечеру.

Он вошёл с пачкой, связанной тесьмой, и положил её на стол так осторожно, будто внутри было стекло.

— За два года, мэстресс. Как вы просили.

— Спасибо, мистер Роу.

Она развязала тесьму. Бумаги были сложены по месяцам, ровно, с ярлычками на каждом пучке. Работа аккуратная. Такая работа вызывает доверие.

Агнес не доверяла аккуратной работе.

Она листала медленно, сверяя числа с книгой. Март: двадцать мер, накладная от поставщика, подпись. Апрель: двенадцать мер, накладная, подпись. Всё сходилось — кроме расхода.

— Мистер Роу.

— Да, мэстресс.

— Кто принимает товар?

— Обычно я.

— Всегда вы?

— Иногда мэстресс Маргарет. Когда меня нет.

— А кто ставит метку на мешках?

Он моргнул.

— Метку?

— Косой крест, прошитый ниткой. На трёх мешках овса.

— Я не знаю такой метки, — сказал он слишком быстро.

— А чья метка у нас?

— Наша — круг с точкой.

— Тогда почему на складе три мешка с чужим крестом?

Он молчал. На лбу у него выступила испарина, и он вытер её тыльной стороной руки — тем самым движением, каким вытирают руки после работы.

— Возможно, поставщик, — сказал он. — Иногда они присылают в своей таре.

— Тогда почему метка счищена с другой стороны ножом?

Он не ответил.

— Мистер Роу, — сказала Агнес. — Я не обвиняю вас. Я спрашиваю, потому что вы единственный, кто знает, где какие бумаги.

— Я знаю, где бумаги, — сказал он тихо. — Но не всё, что происходит в доме, проходит через бумаги.

Она посмотрела на него.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда начнём с того, что проходит.

Он поклонился и ушёл быстрее, чем следовало.

* * *

Вечером вернулся Томас.

Он вошёл в зал в мокром плаще, усталый сильнее, чем утром. Сел к огню, вытянул ноги.

— В Карлайле что-то случилось? — спросила она.

— Ничего.

— Вы вернулись злее, чем уехали.

Он посмотрел на неё.

— Денхолм спрашивал, как идут дела в доме.

— И что вы ответили?

— Что дом в порядке.

— А он?

— Он сказал, что слышал иначе.

Агнес села напротив.

— Что именно иначе?

— Что новая хозяйка считает чужое серебро, — сказал Томас ровно. — И что это вызывает разговоры.

— Серебро я не считала.

— Я знаю.

— Откуда он узнал?

— Кто-то написал.

В зале стало тихо. Служанка у стены перестала двигаться.

— Милорд, — сказала Агнес. — У вас в доме кто-то пишет в Карлайл. И этот кто-то знает, чем я занимаюсь.

— Я знаю.

— И что вы будете делать?

Он смотрел в огонь.

— Пока не знаю, — сказал он. — Я умею отвечать, когда знаю, кто говорит. Здесь я не знаю.

* * *

После ужина он позвал её к столу и разложил карту.

Карта была большая, склеенная из четырёх листов, с потёртыми сгибами. На ней граница шла кривой линией, как трещина по камню. Вдоль неё стояли булавки: красные — английские посты, чёрные — шотландские дворы, о которых он знал.

— Смотрите, — сказал он. — Вот Блэклоу. Вот Фернхерст. А вот переправа.

Он поставил палец на место, где река сужалась между двумя холмами.

— Лидделл, — сказала Агнес.

— Да.

Один. Два. Три.

Она смотрела на его палец и думала о письме: «лошади на переправе у Лидделла».

— Почему именно она? — спросила она ровно.

— Потому что там можно перейти вброд, — сказал Томас. — И потому что там никто не ждёт. Все ждут дороги.

— А вы?

— А я жду дороги, — сказал он. — Но поставил бы людей на переправе.

Она подняла глаза. Он смотрел на карту, и в его лице не было ничего, кроме работы.

— Так поставьте, — сказала она.

Он вздохнул.

— У меня тридцать человек на двадцать миль, — сказал он. — Денхолм считает, что этого достаточно. Денхолм считает многое.

Она не ответила. Слишком много слов стояло у неё в горле, и все они были лишними.

— Вы побледнели, — сказал он вдруг.

— Здесь душно.

— Здесь холодно.

— Тогда я устала.

Он посмотрел на неё внимательно, как смотрел на людей, которых не понимал. Потом взял со стола свечу и подвинул её ближе к ней.

— Идите спать, мэстресс, — сказал он. — Завтра будет день.

* * *

Ночью она достала письмо.

Свеча стояла на стуле, полог был задёрнут. За окном поднялся ветер, и ставни постукивали.

Она прочла ещё раз, медленнее.

«Сорок человек». «Лошади на переправе у Лидделла». «Плата прежняя».

Если письмо верное, то меньше чем через месяц на границе будет рейд. Не на Блэклоу — там прямо написано, что Мьюир в стороне. Значит, на англичан.

И кто-то в этом доме получает за это деньги.

Агнес посмотрела на огонь.

У неё было две недели, два ключа, книга и письмо без подписи. И муж, который умел отвечать, но не умел искать.

Он узнает. Но не от меня.

Она не могла сказать ему. Пока не могла: письмо было из стола её отца, и в нём стояло, что отец ни при чём. Одно неверное слово — и Денхолм получит доказательство, что Мьюиры знали о готовящемся рейде.

Она сложила письмо и спрятала его за подкладку шкатулки.

Потом легла и стала считать.

Двадцать дней. Сорок человек. Одна переправа.

Ветер ударил в ставню. Она не спала почти до утра — и в этот раз шагов за стеной не было вовсе.

Глава 5. Люди Блэклоу

Весть пришла в среду, к обеду, вместе с мокрым мальчишкой на загнанной лошади.

Он въехал во двор, не слезая, и закричал ещё от ворот:

— Мэстресс! Колина взяли!

Агнес вышла на крыльцо с ложкой в руке.

— Кто взял?

— Англичане. Люди с заставы. Говорят, он украл овцу у Хоббса.

— Какую овцу?

— Хоббс говорит, свою. С меткой.

У Хоббса одна метка. У нас другая.

— Где Колин?

— В Карлайле, мэстресс. В яме.

Мальчишка был из Блэклоу, сын пастуха, лет тринадцать. У него текло из носа, и он этого не замечал.

— Слезь с лошади, — сказала Агнес. — Иди на кухню, тебе дадут хлеба.

— Мэстресс, они говорят, его повесят.

— Не повесят.

Она сказала это ровно. Мальчишка посмотрел на неё и поверил, потому что ему было тринадцать и потому что верить было легче.

* * *

Томас был в кабинете, над бумагами.

— Мне нужна лошадь, — сказала она с порога.

— Зачем?

— В Карлайле мой пастух в яме.

Он отложил перо.

— Я знаю. Хоббс подал жалобу два дня назад.

— Вы знали и не сказали?

— Я разбирался, — сказал он. — И, к сожалению, разобрался.

— И?

— И у Хоббса есть свидетели. Двое. Оба его люди.

— А у Колина?

— Никого, — сказал Томас. — Пока.

Агнес села напротив.

— Милорд. Колин пасёт моих овец восемь лет. Он не украл бы и хлеба, если бы рядом лежал чужой.

— Я верю вам.

— Тогда почему он в яме?

— Потому что вера — не доказательство, — сказал Томас. — А у Денхолма есть бумага и два свидетеля.

— И вы ничего не сделали.

— Я сделал, — сказал он. — Я отложил разбор до пятницы. Это всё, что я мог сделать без доказательств.

— Пятница — послезавтра.

— Да.

— Значит, у меня два дня.

Он смотрел на неё, и она видела, как он взвешивает: спорить или нет.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Возьмите лошадей. Двоих людей. И Хейла.

— Мне не нужен Хейл.

— Мне так спокойнее.

— Вам спокойнее, — повторила она.

— Да, — сказал он без улыбки. — Мне.

* * *

В Блэклоу пахло дымом и мокрой шерстью.

Джанет вышла навстречу с фартуком, перепачканным мукой, и лицом человека, который не спал ночь.

— Мэстресс.

— Где Эндрю?

— В кузнице. Злой.

— Пусть будет злой. Где овца?

— В сарае. Хоббс велел держать её тут до суда, чтобы не продали.

Агнес вошла в сарай.

Овца стояла у дальней стены, худая, с облезлой шерстью. Она подняла голову и посмотрела на светлыми глазами.

Агнес присела. Взяла её за ухо.

Метка была на месте: овальный надрез и точка под ним.

Наша.

— Джанет.

— Мэстресс?

— Чья это овца?

— Наша, — сказала Джанет. — Восьмая из тех, что отошли от стада в августе. Колин нашёл её на вереске и принёс.

— Почему Хоббс говорит, что она его?

— Потому что у него пропала своя. В октябре.

— Сколько?

— Четыре. И он нашёл одну у нас.

Агнес встала.

— Где Колин купил овец в августе?

Джанет замялась.

— Он не покупал, мэстресс.

— Не покупал?

— Нашёл, — сказала Джанет. — Овцы отошли от стада. Так бывает.

Агнес посмотрела на овцу и на её метку.

— Значит, Хоббс говорит правду про свою овцу, а Колин говорит правду про эту.

— Так и есть.

— И оба не врут, — сказала Агнес. — Что хуже всего.

* * *

Эндрю она нашла в кузнице.

Он не бил молотом. Сидел на колоде и смотрел в остывший горн.

— Ты приехала, — сказал он.

— Приехала.

— Опоздала.

— Я узнала два часа назад.

Он поднял голову.

— Ты узнала два часа назад, потому что ты там. В их доме. Пьёшь их эль.

— Эндрю.

— Что.

— Скажи мне, что ты знаешь про август.

Он замер.

— Про какой август?

— Про овец. Кто нашёл, где нашёл, и почему Хоббс говорит, что это его.

Эндрю молчал. Потом встал и отошёл к стене, где висели клещи.

— Это я нашёл, — сказал он. — Не Колин.

— Ты?

— Я был на вереске. Там стояли четыре овцы, отдельно от стада. Ни метки, ни пастуха. Я погнал их домой.

— И поставил метку.

— А что я должен был делать? — сказал он резко. — Отдать Хоббсу? Он бы их сразу продал.

— Ты поставил нашу метку на чужих овец.

— На брошенных овец, — сказал Эндрю. — Брошенных, Агнес. Никто их не искал.

— А теперь ищут.

Он отвернулся.

— Колин знает? — спросила она.

— Нет. Я сказал, что нашёл он.

— И он молчит?

— Он молчит, потому что я попросил.

Агнес прислонилась к стене. В кузнице было холодно, пахло железом.

— Эндрю.

— Что.

— Если ты скажешь правду на суде, Колина отпустят, а тебя повесят за кражу.

— Я знаю.

— Если не скажешь, повесят его.

Он обернулся. В его лице было что-то новое — не злость, а страх, который он прятал за злостью.

— Тогда придумай что-нибудь, — сказал он. — Ты всегда придумываешь.

* * *

Вечером она сидела в светёлке с расписками.

Отец держал бумаги в сундуке, и бумаги были плохие: половина без подписей, половина без дат. Она перебрала их дважды и отложила всё, кроме одной.

Расписка была от августа. В ней стояло, что Колин Мьюир получил четыре овцы от человека по имени Джон Хоббс и обязался вернуть их по первому требованию.

Подписи не было.

— Джанет, — сказала она. — Кто писал это?

Джанет посмотрела.

— Не я.

— А кто?

— Почерк не наш.

Агнес положила расписку на стол и придавила её свечой.

Кто-то в этом доме готовил бумагу заранее.

За окном шёл дождь. Внизу, в зале, Эндрю ходил из угла в угол и не садился.

У неё было два дня, одна овца с чужой меткой, племянник-вор и расписка без подписи.

Четыре овцы. Два свидетеля. Одна переправа.

Она погасила свечу.

Глава 6. Суд

В Карлайле пахло мокрым камнем и лошадьми.

Зал был длинный, с низким потолком и двумя окнами под самым потолком. На стене висел герб, выцветший до серого. За столом сидели трое: Денхолм, Томас и человек в чёрном, которого она не знала.

Колина привели в цепях. Он был маленький, сухой, с руками, привыкшими к пастушьему посоху, и с лицом человека, который уже решил, что его повесят.

Увидев её, он дёрнулся.

— Мэстресс.

— Молчи, — сказала она тихо. — Отвечай только на вопросы.

Денхолм открыл книгу.

— Дело Хоббса против Колина Мьюира. Кража овцы. Свидетели есть?

— Есть, милорд.

Свидетели были похожи друг на друга, как бывают похожи люди, которых наняли вместе: оба в одинаковых куртках, оба с руками, сложенными на груди.

Первый сказал: в ночь на четырнадцатое он видел, как человек с посохом гнал овцу через вереск. Овца была с меткой Хоббса.

— В какую сторону гнал? — спросила Агнес.

Денхолм поднял бровь.

— Мэстресс, вопросы задаю я.

— Тогда задайте этот.

— Отвечайте, — сказал Денхолм свидетелю.

— В сторону шотландской земли, — сказал тот.

— Через вереск? — уточнила Агнес.

— Через вереск.

— В ночь на четырнадцатое был дождь, — сказала она. — Вереск в дождь не держит следов, но держит человека. Вы шли за ним?

— Я стоял и смотрел.

— С какого расстояния?

Свидетель посмотрел на Хоббса.

— С двадцати шагов.

— И в темноте, в дождь, вы разглядели метку на ухе овцы?

Молчание.

— Я… я знал, что это его овца.

— Как?

— По метке.

— По метке, — повторила Агнес. — С двадцати шагов. В дождь.

Денхолм закрыл книгу ладонью.

— Мэстресс, у вас есть доказательства или только вопросы?

— Есть, — сказала она и положила на стол расписку.

* * *

Расписка легла между ними, как монета на бочку.

— Это найдено в бумагах моего отца, — сказала Агнес. — В ней сказано, что Колин получил четырёх овец от Джона Хоббса в августе и обязался вернуть по требованию.

Хоббс шагнул вперёд.

— Это ложь.

— Вы держали её в руках?

— Я такой не писал.

— Подписи на ней нет, — сказала Агнес. — Я и не говорю, что вы.

Денхолм взял бумагу. Прочёл. Передал Томасу.

— Что это доказывает?

— Что кто-то в августе знал, что овцы спорные, — сказала она. — И подготовил бумагу. Значит, овцы не были украдены тайно. Их отдавали.

— Кто?

— Тот, кто написал.

Томас поднял глаза.

— Мэстресс, вы обвиняете?

— Я не обвиняю. Я говорю, что у вас две версии: кража и передача. И обе подтверждаются словами. Разница в том, что по одной человека вешают, а по другой — нет.

В зале стало тихо.

Денхолм откинулся на стуле.

— Милорд, — сказал он Томасу. — Это бабьи речи.

— Это речи хозяйки, у которой украли пастуха, — сказала Агнес.

— Довольно, — сказал Томас.

Он сказал это негромко, и все замолчали.

— Дело закрыть, — сказал он. — Овцу вернуть владельцу по метке. Пастуха отпустить. Расписку приобщить.

— Милорд, — сказал Денхолм. — Свидетели.

— Свидетели, — согласился Томас, — говорят о метке, которую не могли видеть. Я не могу вынести приговор на таком основании.

— Вы не можете или не хотите?

— Ни того, ни другого, — сказал Томас. — Я не могу.

Денхолм медленно закрыл книгу.

— Как угодно, — сказал он. — Запишем.

* * *

Колина отпустили во дворе.

Он стоял, растирая запястья, и не понимал, что произошло.

— Мэстресс.

— Иди домой. И скажи Эндрю, что я всё знаю.

— Мэстресс…

— Иди, Колин.

Он ушёл, оглядываясь. Цепи сняли, но следы от них остались.

Агнес вышла на крыльцо. Дождь кончился, небо было низкое и ровное, как олово.

Томас стоял у лошадей.

— Вы выиграли, — сказал он.

— Мы выиграли.

— Нет, — сказал он спокойно. — Я проиграл. Денхолм теперь запишет, что хранитель марки отпускает воров по слову жены.

— Он отпустил не вора.

— Он запишет то, что ему удобно, — сказал Томас. — И через месяц в Лондоне будут читать не про овцу, а про слабость.

Она посмотрела на него.

— Тогда зачем вы отпустили?

— Потому что вы были правы, — сказал он. — Это не то же самое, что быть удобным.

Он поднял её в седло — не спросив, просто взял за талию и поднял, как поднимают мешок, легко.

— Милорд.

— Да?

— Спасибо.

— Не благодарите, — сказал он, садясь на лошадь. — В следующий раз приносите доказательства до того, как человек попадёт в яму.

* * *

Вечером, в Фернхерсте, Роу принёс ей книгу на подпись.

Он разложил её на столе, открыл на нужной странице и подал перо.

— Дело закрыто, мэстресс. Записано.

Агнес прочла запись. Всё было верно: дата, имя, решение.

— А здесь что? — спросила она, указывая на пометку внизу.

— Примечание, мэстресс. Для порядка.

Примечание гласило: «По настоянию леди Фернли. Свидетели не опрошены должным образом».

— Кто это написал?

— Я, — сказал Роу. — Как есть.

— Как есть, — повторила она. — Мистер Роу, вы понимаете, что эта строка останется в книге навсегда?

— Понимаю.

— И что её прочтёт Денхолм?

— Прочтёт.

Она посмотрела на него.

— Тогда зачем?

Роу помолчал.

— Потому что книги ведутся для того, чтобы помнить, — сказал он. — Даже то, что нам не нравится.

Агнес взяла перо. Поставила подпись.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда запишите ещё одну строку.

— Какую?

— «Овца возвращена по метке. Пастух отпущен без обвинения».

Он записал. Аккуратно, ровными буквами.

Одна строка против другой. Пока так.

Глава 7. Сосед

Маккиннон приехал в четверг, с четырьмя людьми и с дождём на плечах.

Агнес увидела его из окна: большой человек в тёмном плаще, слезает с лошади без помощи и без усилия. Плащ пах вереском и дымом — она почувствовала запах ещё со двора, когда он шагнул на крыльцо.

— Мэстресс Фернли.

— Лэрд Маккиннон.

Он был старше, чем она ждала. Лет сорока пяти, с сединой в бороде и руками, которые знали и меч, и уздечку. Глаза светлые, внимательные, и в них было то, чего она не любила больше всего: веселье человека, которому всё давно известно.

— Муж дома?

— В кабинете.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда сначала к нему. А потом к вам, если позволите.

— Позволю, — сказала Агнес. — Но недолго.

Он засмеялся коротко, без обиды.

— Мне нравится ваш дом, — сказал он. — Здесь не врут с порога.

* * *

В зале Маккиннон сел так, что кресло под ним скрипнуло.

Томас вошёл и сел напротив. Между ними был стол, свеча и кувшин с элем, и никто не налил себе первым.

— Давно не виделись, — сказал Маккиннон.

— Три года.

— Четыре. С того совета в Хексхэме.

— Четыре, — согласился Томас.

Они говорили о границе: о постах, о переправах, о том, кто платит за лошадей. Голоса были ровные, слова вежливые. И всё это время Агнес видела то, что видят только женщины: как они меряются. Не оскорблениями — паузами. Кто дольше выдержит молчание, тот и старше в этом разговоре.

Маккиннон выигрывал. Он молчал легко, как человек, которому нечего доказывать.

— А вы, мэстресс, — сказал он вдруг, повернувшись к ней, — как находите здешнюю жизнь?

— Шумной.

— Это граница.

— Это дом, — сказала она. — Здесь четырнадцать человек и сорок восемь овец. Шум от них, а не от границы.

Он посмотрел на неё внимательно и уже без веселья.

— Справедливо, — сказал он.

Томас поставил кружку.

— Что вы привезли, лэрд?

— Мир, — сказал Маккиннон. — Вернее, слух о мире. Говорят, к весне будет бумага. Подпись с обеих сторон.

— Говорят.

— И говорят, что бумага будет держаться на одном браке, — сказал Маккиннон. — На вашем.

Он сказал это спокойно, без нажима. И всё-таки в зале стало теснее.

* * *

Провожала его Агнес — потому что Томаса позвали к лошадям, у гнедой началось что-то с ногой.

Маккиннон шёл рядом, и во дворе, на мокром камне, его шаги были тяжелее, чем в доме.

— Мэстресс.

— Лэрд.

— Я скажу вам одну вещь и уеду, — сказал он. — Вы можете её забыть.

— Говорите.

— Ваш муж не тот, кем кажется.

Агнес остановилась.

— Это всё?

— Это всё, — сказал он. — Я не сплетник. Но когда бумага подписана, за неё кто-то платит. Иногда деньгами. Иногда людьми.

— Вы знаете, кто платит?

— Я знаю, кто спрашивает, — сказал он. — И это не одно и то же.

Он взял повод. Потом обернулся.

— И ещё. Он вас не трогает.

Агнес не двинулась.

— Что?

— Я вижу, — сказал Маккиннон. — Четыре года назад он был другим. Тогда он брал то, что хотел, и не спрашивал. Теперь он спрашивает. Это не одно и то же, мэстресс.

— Уезжайте, лэрд.

Он поклонился и уехал. Дождь стучал по его плащу, пока он не скрылся за поворотом.

* * *

Томас вернулся из конюшни уже в темноте.

Он был мокрый, уставший, с соломой на рукаве. Увидев её на крыльце, остановился.

— Что он сказал?

— Что вы не тот, кем кажетесь.

— И всё?

— И что вы спрашиваете, — сказала Агнес. — В отличие от себя прежнего.

Томас молчал. Вода стекала с его волос на воротник.

— Это правда? — спросила она.

— Что именно?

— Что вы спрашиваете.

Он подошёл на шаг. Ближе, чем стоял обычно.

— Я спрашиваю, — сказал он. — Но не потому, что стал лучше. А потому, что однажды спросил слишком поздно.

Он поднял руку — и она замерла, потому что не знала, что будет.

Он не коснулся её лица. Он снял с её плеча шерстинку — маленькую, прилипшую к шерсти, — и его пальцы на секунду легли на воротник, у самой шеи.

Тепло. Шершавая кожа. Запах мокрой шерсти и дыма.

Она почувствовала, как по рукам прошло холодом и сразу стало жарко.

— Вот, — сказал он, отступая. — А то понесёте в дом.

— Спасибо.

— Спокойной ночи, мэстресс.

Он ушёл к кабинету. Дверь закрылась.

Агнес постояла на крыльце ещё немного, хотя дождь уже начался снова.

* * *

Ночью она лежала и смотрела в полог.

Свеча погасла, в комнате было темно, и в темноте было проще думать о том, о чём днём думать не получалось.

Его пальцы у шеи.

Она повернулась на бок. Подушка была холодная с одной стороны и тёплая с другой.

Она вспомнила, как он держал её руку в церкви — ровно, без давления. Как поднял её в седло — легко, будто она ничего не весила. Как смотрел на неё вечером у карты, когда думал, что она не видит: не на бумагу, а на её руки.

Он не берёт. Он ждёт.

И от этого ожидания в ней что-то тянулось, как нитка из ткани: медленно, ровно и почти больно.

Агнес натянула одеяло до подбородка.

За стеной, в кабинете, скрипнул стул.

Считай.

Она закрыла глаза и стала считать — но сбилась на третьем.

Глава 8. Ключ от кладовой

Утром она нашла недостачу сама.

Овёс лежал в трёх закромах, и в первом было ровно столько, сколько записано. Во втором — на два мешка меньше. В третьем — на два больше, но мешки были другие: холстина светлее, шов грубее.

Агнес стояла в холодном складе и смотрела на этот светлый холст.

Кто-то переложил. Не вынес, а переложил.

Значит, выносили не ночью и не тайком. Значит, выносили днём, с ведома, и прикрывали тем, что пересчитывать никто не станет.

Она вернула мешки на место, закрыла склад и пошла в кухню.

* * *

Там было жарко, тесно и пахло луком.

Маргарет стояла у стола и считала по памяти: сколько крупы на неделю, сколько соли, сколько свечей.

— Мэстресс Маргарет.

— Мэстресс Фернли.

Женщины у печи притихли.

— В третьем закроме овса меньше, чем в книге, — сказала Агнес. — На два мешка. И ещё два мешка стоят там, но они не наши: холст светлее.

Маргарет не оторвалась от счёта.

— Поставщик привозит в своей таре.

— Поставщик привозит в нашей и забирает нашу. Так записано в накладных.

— Значит, записано неверно.

— Значит, кто-то переложил, — сказала Агнес. — Днём. При людях. И рассчитывал, что я не полезу в третий закром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.